

Мы были так на пакосе (ох, лиха), я лошадь вадила, была ш, была ш ужэ ужэ па-единачнаму, как эта гаварицца, жыли, зямля была разделяна па паласам, значыт, на сваей паласы ужэ работали. Ну вот, касили там, я лошадь у поле павяла. Карову с поля пригнали, мама села карову даить. А мы там вот жыли [нрзб.] там смарода так густа у нас, кружовник насажана. Грит: «Ся... как сяду я пат карову даить, сабака... ну вот, и рвёт, – гаварит, – фсё, как вот примерна, я Мазурка, эта Наёт был у нас. «Ну фсё, – мама гаварит, – я брошу даить так вот устану, пагляжу – нигде никаво нет». Он спрячется пад эту, пат смароду. «Как, – грит, – я начну даить, он апать зашавелицца, сабака апать начинаеть лаить».

Патом, значыт, падаила мама карову. Гаварит: «Сама так дажэ не магу, какое-та у меня как светатрясие». Паставила малако на этат на стол. «Кто-то, – грит, – вот так вот в дверь [стучит]». Мама гаварит: «И там харашо». А у мяня была мода абязательна пастучацца. Ана думала, што я лошадь вадила ф поле. А он как заходит, афтамат фпярёт. «Пачаму, мамаша?» А в яво немецкая форма надета, ана гаварит: «Ох лихо, я боюсь, что ты партизан». «А тябе не фсё равно, партизан или немец». А он и есть партизан, а в нямецкую адёжу. Ох, лиха, и тока у них, знаеш, такой разговор – и я таким макарам, и я в дверь. Он – раз пат кровать! Теперь эта дерявянные кровати, а раньшэ ш жылезные-та эти и падзор-та павешэн. Я толька за... мама я застучала, мама ка мне выскакывает: «Ты куда-та уходи, кто-та у нас в нямецкай форме, и я так, – грит, – сказала, што я баюсь, што ты партизан – грит, – што тябе не фсё равно, ты куда-та...» Я гаварю: «Я теперь ужэ пришла, – гаварю, – так а каво, пабяжу што ли». Грит: «Иди, с каким-та с аружыем». Эта тяперь знаю, што автаматы да фсё, а тагда ня знали. Я гаварю: «Ужэ тяперь пришла, так каво».

И вот знаете, мне так страшна была. Я так, как захажу толька в ызбу, а он вылезает с-пат кровати, а фпярёт этат афтамат, афтамат-та с этай с такой. Ой, как мне страшна зделалась. Ну так, канешна, вылес, стал расказывать нам, што был у немцэх. Ну, а патом, значыт, вот, наших многа, сагласилися уничтожыть штап, приехали на апушку, такая апушка и, значыт, вот згаваривались, што вот такова-та мы уничтожым штап. Нам паможут. Ани как у немцах были, как эта называлися... казáки, фсё на лашыдях ездили. Паедуть партизан лавить, а самы партизан ня ловяць, а партизанами гаваряць, там што есь где. И вот сабирались ани, значыт, в анну ночь уничтожыть этат штап. А адин был, их предáл. Значыт, выязжають ани назафтрее, што на партизан. Аннаво нет. А он ешшэ говорит, говорил: «Мы, – гаварить, – плоха зделали, што эту, – гаварить, – сволач, тада сразу мы там, на апушке, не прибили». А он гаварить: «А што, нам плоха жывёцца?» Кагда ани так згаваривались с партизанам жэ с этым, што штаб уничтожыть. «Што, нам плоха жывёцца, што нам паехали, где мы пабыли, с нас и ня спрашывають». Ну вот и он ня вышыл. Им падазрительна, ани, значыт, паехали на сваё места, там с партизанам пагаварили, грит, мы с этым. Толька, грит, едем, па нам сразу – агонь, приехали вот в эту, где там дяревня балы. По нам, гаварить, агонь. Маю, гаварить, лошадь сразу убила, таваришша моего ранило. Так я, говорить, там полс и яво валок. Как он расказывал. И вот, значыт, он умер, я яво там прикапал, палкай ямку выкапал, да прикапал...

А он вот к нам пришол, значыт, переаденьте мяня, мне вот нада адёжу. И покажите мне, где вот прайти. Значыт, он с лесу вышэл, а вышэл, куда – не знаеш.

А страшна. У нас такой Саша жыл... Он... у него многа сильна была рябят. Он делал балалайки, сам делал... и он эти балалайки насил па дерявням. А как эта, если вот

сказать, што он, например, у Вáравых был такой-та чэлавек... Сразу немцам данясут – нас как и не была сразу.

Вот мы и гаварим ему, етаму, гаварим, што зайдите... Ваапшшэ так чэлавек харошый, няльзя сказать, ну, мала ли вот так будет гаварить, што незнакомый чэлавек был у нас... Вот он, правда, к нему зашел, с ним пагаварили, фсё. Ну, значыт, вечэрам пагаварили, он и гаварит, этат Саша и гаварит: «Пагади, пасиди у нас, пусь свечарееть. И я тябя тагда павяду, где надо...» И вот яво правёл... Ну, думаем: «Скажэт ли Саша?» А мы знали, мы глядим, што Саша павёл, а жыл он тут кола нас, недалеко, знали, што ат нас жэ пашол... Никаму ни гу-гу... Патом пришол к нам, к маей маме, и гаварить: «Шур, я-та уш знаю, што ты на язык крепкая... А я ужэ тябе скажу... Вот ка мне пришол...» И вот рассказал, што вот ка мне приходит...

И патом вот, значыт, так идём мы с Дуськай Казловой (нас выселили, вот кагда наши пришли, фронт был, нас выселили), патом идём, што какую-нибудь падводу найти, што приехать с Гаражáнь, што мы там, в Гаражáнях, были, на выселке... Идём так, машина стаит, солдаты, танк спортифшый, а мне такое была платье, вот нападобие гарошкам, ано на гвазду висела, а он гаварить: «Вот таки платья красивые и падберите», как был-та у нас он... А мне такое платье надета... Идём, а он: «Аня, пачэму знацца не хочэш?» А Дуська мне и гаварить: «Чево ты не пашла?» А я: «Вот папало, што я, Аня, а я пайдуду. А там какие-та ваенные». Он гаварить: «И забыла, как мне сушыла зялёный табачок?» Госпади... Я тагда астанавливаюсь, думаю: «Какой-та, как вроде наш дядя Миша Сиханофский, такой чёрненький. Ну вот патхажу, он стал мне гаварить, ну вот он мне тагда и гаварить: «Ну, ланна, не валнуйтесь, схажу сваим начальникам, папрашу машину, вас перевязу»... И перявёс нас сюда.

(Так кто ж это был-то, вот тот самый, который приходил?)

Да, вот тот самый, каторый к нам прихадил, вот был жыф. Да, прятался. И вот пришлось уфстретицца. И патом вот письма писал нам. А пагип... Патом тавариш написал, што пагип... Гаварю: «Мама, Коля пагип».

(Здесь уберегся, там не уберегся.)

Да вот так вот пагип... видиш, папал фсё-таки ужэ в ряды действительнай Савецкай армии. Партизан ужэ... Ой, да, дяствительна страшна.

Записано от Александровой Анны Владимировны, 1927 г.р.; д. Вяз Н-Сок. р-на Пск. обл., 1988 г.